

Культурный код в искусстве: философское прочтение детских фильмов

И. А. Дедова

кандидат философских наук, Поволжский государственный технологический университет,
Россия, г. Йошкар-Ола. E-mail: iraira0906@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается интерпретация понятия «культурный код» в качестве уникальной информации, определяющей национальную психологию и поведение, содержащейся во всех формах общественного сознания, особенно в иррациональных, сохранивших субъект-объектное тождество. Цель статьи – показать роль искусства в ретрансляции кода, объединяющем множество поколений в единый развивающийся организм и проектирующем его в будущее. В современной культуре детские фильмы выполняют ту же функцию, которую раньше выполняли мифы и сказки: они формируют базовые моральные принципы, определяющие функционирование социального организма. Через кинообразы можно трансформировать и подменять культурные коды, что является одним из наиболее эффективных способов ведения информационной войны. С целью «прочтения» разных культурных кодов автором статьи проведен сравнительный анализ двух художественных фильмов: «Приключения Электроника» (1979 год, режиссер Константин Бромберг) и «Чарли и шоколадная фабрика» (2005 год, режиссер Тим Бертон). Оба фильма выражают основополагающие принципы нравственности в коллизии «греховности и возмездия» и отражают структуру отношений личности и общества. Художественная структура фильмов представляет два типа мировоззрения – монистический и дуалистический. Суть первого типа в том, что мы живем в единой реальности, еще не до конца познанной, но принципиально познаваемой, разумной. Суть дуализма – в идее «расколотости» бытия: наш мир, отпавший от божественного источника, лежит во зле, он несовершенен и полон страданий; из него есть два пути – уход от зла или устройство в этом мире. Первый тип мировоззрения отражает дух коллективизма и цельной личности, судьбы как фортуны и свободы. Второй – дух индивидуализма и избранничества, судьбы как фатума и всеобщей предопределенности. В первом случае мы видим признание реальности зла, но при этом и возможности его внутреннего изживания в процессе нравственной эволюции через объединенные усилия коллектива. Во втором случае зло диалектически оказывается нивелируемым, человек – бессильным, а нравственная эволюция – невозможной. В заключении делается вывод о подмене русского национального культурного кода изначально чуждым ему и об угрозе разрушения духовной сущности народа.

Ключевые слова: детский фильм, добро и зло, монизм и дуализм, знание, культурный код, личность.

Настоящее искусство не столько отражает, сколько создает реальность, так как символические образы содержат в себе культурный код, определяющий духовный облик народа. Понятие «культурный код» оформилось в рамках семиотической концепции культуры как знаково-символической системы [7]. Культурный код характеризуется исследователями как негенетическая память коллектива [8]; как элемент психики человека [2]; ментальное образование [6]; как набор основных ценностей, норм и установок [18]. Прочтение, интерпретация кода позволяет осмысливать реальность, вступать в коммуникативные связи, ориентироваться в социокультурном пространстве [10, с. 193].

Один и тот же культурный код содержится в языке, традиции, морали, мифах, религии, искусстве и других формах общественного сознания, уходящих своими корнями к истокам существования конкретного народа. Этот код сохраняется и в рациональных формах сознания, таких как философия и наука, но в них он менее заметен, так как любая рационализация унифицирует многообразие национальных и цивилизационных принципов жизни. В тех же формах сознания, которые сохранили элемент иррациональности, то есть субъект-объектного тождества, непосредственного созерцания и переживания, культурный код присутствует в своей первоначальной форме. Здесь в большей степени сохраняется нерасчлененная идея связи людей с природой и друг с другом [4]. Таким образом, культурный код есть уникальная информация, определяющая национальную психологию и поведение. Он обуславливает духовный облик народа, его систему ценностей, представление о месте человека в мире. Культурный код подобен генетическому коду, и, возможно, оба они исходят из какого-то общего источника, основания бытия. Физический и нравственный облик человека и народа связаны

между собой тончайшими, еще не изученными, энергетическими связями. Искусство выполняет функцию ретрансляции кода, объединяя множество поколений в единый развивающийся организм и проектируя его в будущее.

Детские художественные фильмы в современном мире выполняют ту же функцию, что прежде выполняли мифы и сказки: они формируют базовые моральные принципы, определяющие функционирование социального организма. Кинообразы, как отмечает семиотик культуры У. Эко, представляют собственную реальность, концептуально отфильтрованную, интерпретированную, содержащую культурные коды [23, с. 47]. Ключевыми являются представления о добре и зле, и именно их борьба составляет основную сюжетную линию произведений, призванных воспитывать новое поколение. Взаимоотношения героя и антигероя составляют ту главную жизненную коллизию, вокруг которой выстраиваются все остальные темы и мотивы: таким образом формируется ориентир, направляющий энергию мысли и действия на достижение того, что считается наиболее важным, ценным, необходимым. «Детский» фильм является одновременно и выражением культурного кода, и способом его формирования, то есть культурный код в определенных исторических условиях можно частично трансформировать и даже подменять. Такая незаметная работа с сознанием обнаруживает свои плоды через некоторое время, когда вместе с новым поколением из символического семени созревают конкретные формы социальной жизни. Это один из наиболее эффективных способов ведения информационной войны в современных условиях. Информационные технологии изменяют не только привычный стиль жизни, они изменяют понятие о добре и зле, о справедливости и жертве и, в конце концов, изменяют самого человека [15].

С целью «прочтения» разных культурных кодов нами проведен сравнительный анализ двух художественных фильмов – «Приключения Электроника» (1979 год, режиссер Константин Бромберг) и «Чарли и шоколадная фабрика» (2005 год, режиссер Тим Бертон, по повести Роальда Даля). Эти фильмы представляют, во-первых, различные исторические периоды – советский и современный, во-вторых, различные социальные системы – российскую и западную. Оба фильма являются наиболее известными и популярными для своего времени. Оба выражают основополагающие принципы нравственности и выполняют воспитательную функцию. Сюжетные линии обоих фильмов сходятся в основной коллизии «греховности» и «возмездия»: и главный герой «Электроника», и «плохие» дети «Чарли» наказываются за «неправильное» поведение. Такое восстановление справедливости создает ощущение разумности, законосообразности мироустройства. Без этого ощущения, «отпечатывающегося» в глубинных слоях психики, невозможно полноценное и здоровое развитие личности, сталкивающейся уже во взрослой жизни с многочисленными проявлениями зла в виде несправедливости, болезней, смерти, войн, бедствий, разрушений. Заложенный в детстве положительный посыл к мирозданию создает ту духовную основу личности, которая позволяет поддерживать смысл бытия.

Однако нравственные идеи фильмов принципиально расходятся. Они различны до такой степени, что можно говорить уже не только о художественном, но и о религиозном смысле символической реальности, несмотря на то, что сюжеты фильмов не имеют никакого отношения к религии. Выделим ряд подобных отличий.

1. *Знание.* Сюжет обоих фильмов фантастичен, но в «Электронике» это – научная фантастика (таких роботов, как Электроник, неотличимых от людей, не существует, но они возможны в будущем), а в «Чарли» – фэнтези (мир шоколадной фабрики диаметрально противостоит реальному миру). С самого начала мы видим два типа мировоззрения – *монистический* и *дуалистический* [13]. Суть первого типа в том, что мы живем в единой реальности, еще не до конца познанной, но принципиально познаваемой, разумной. В «Электронике» чудо техники объясняется передовыми достижениями науки, которая должна быть общедоступной и общепонятной: это подтверждают слова Профессора о том, что Электроник только сейчас кажется сказкой, в будущем такие «чудеса» станут обычным явлением. В таком отношении к знанию явно виден гуманистический посыл, вера в безграничные возможности человеческого разума, в его способность менять мир к лучшему.

Сказочный мир «Чарли» сосредоточен на территории фабрики. Родственники рассказывают мальчику, что *никто никогда* не видел, как ворота фабрики открываются, как кто-то входит или выходит. Зритель сразу понимает, что другая реальность таинственна, непостижима и доступна лишь избранным. Мотив *тайны*, эзотеричности Знания играет ключевое значение в дуалистическом мировоззрении. Примечательно, как этот мотив развивается по

ходу фильма: попав за ворота фабрики, дети все равно не понимают смысла происходящего, истинные причины событий так и остаются скрытыми от них. Так, на вопрос Чарли: «Почему здесь все такое... бессмысленное?», – один из мальчиков отвечает: «У конфет нет смысла». Здесь знание явно отождествляется с магией, а не наукой, – оно используется для практических целей, но не содержит понимания сущности вещей. Мало того, зрителю дают понять, что не следует даже пытаться понять внутренние механизмы реальности, достаточно пользоваться предоставленными по случаю благами. Антигуманизм такого посыла выражается в недоверии к человеку как таковому: даже если бы знание открылось, неразумный человек не смог бы им распорядиться во благо.

Метафорой иной, скрытой реальности в «Электронике» является старинная башня с Часами. И на первый взгляд, в этом моменте сюжеты фильмов совпадают: башня так же закрыта, как и фабрика. Но, как выясняется, башня только *кажется* закрытой, – именно на эту «удочку» попадается Электроник, желающий помочь людям, ведь бандиты привозят его специально в пять утра, до открытия. На самом деле это работающий музей, в котором сломаны только часы. Тайна оказывается ненастоящей, мнимой, и на рассвете «все тайное становится явным». На самом деле нет никакой иной реальности, все находится в *этом* мире, но сам человек, еще не прошедший путь нравственного совершенствования, недостойн увидеть Истину. И весь фильм, по сути, о том, что необходимо для ее постижения.

А вот есть ли Истина в эзотерическом знании, метафорой которого является фабрика? Скорее всего, нет. Перед посещением фабрики было обещано: каждый уедет с грузовиком шоколада. Обещание не выполняется – четверо детей с их родителями уходят ни с чем. Вряд ли намеренно, но авторы фильма показали ложь «закулисья»: за многообещающей ширмой, по сути, нет ничего, и люди, соблазнившиеся идеей избранничества, останутся прежними. Примечательно, что, даже выходя за ворота фабрики, дети остаются разобщенными, каждая семья – сама по себе, в то время как к башне на рассвете стекается весь народ. В «Электронике» показана грандиозная, потрясающая сцена – восходит Солнце, бьют ожившие часы (символ пробуждения ото сна – лжи, невежества, обмана), открываются окна и двери, на площадь со всех сторон радостно бегут люди. В религиозном смысле это сцена преображенного, спасенного мира, и спасение здесь – не кучки избранных праведников, а всего человечества. В «Чарли» же вообще нет народа как такового: все заняты своими проблемами, нет преображения бытия, меняется только положение главного героя.

2. *Смысл жизни.* Важный момент, дающий представление о смысле жизни, заключается в том, какую именно ценность скрывают закрытые ворота фабрики и башни: в первом случае это ценности материальные (шоколад, конфеты, жвачка); во втором – духовные (картины). Финал поэтому закономерен: в «Чарли» происходит перераспределение материальных благ, но сохраняется социальная иерархия. В «Электронике» счастье не отождествляется с материальным богатством: вещи признаются как нечто необходимое, но не как конечная цель человеческого бытия. Кучка бандитов, охотящихся за сокровищами, явно находится по ту сторону социальной жизни, и их карикатурные образы призваны показать всю мелочность подобных стремлений.

«Электроник» – это детский фильм, и в нем демонстрируется важная мысль о том, что в период созревания душа человека не должна быть озабочена проблемой денежных средств, эта проблема уже должна быть решена во взрослом мире. Не случайно на протяжении всего фильма мы ни разу не увидим заметных различий в одежде, вещах, быте героев, и дело не только в отражении социалистического строя. Культурный код русского народа содержит идею равенства как справедливого положения вещей [3]. При этом равенство здесь – не в бедности, а в благополучии всех. Чем будет озабочена большую часть своей жизни человек, лишенный необходимого и вынужденный постоянно сравнивать свое положение с другими? Зарабатыванием или отъемом денег, борьбой за существование, бесконечным потреблением. Поэтому равномерное распределение богатств, созданных общественным трудом, должно создать основу для духовного, творческого развития.

3. *Добро и зло.* В «Электронике» пороки, такие как лень, невежество, эгоизм, заключены в главного героя, шестикласснике Сыроежкине, и фильм представляет собой его эволюцию, связанную с ростом самосознания. Антиподом по отношению к нему выступает робот Электроник, лишенный человеческих пороков, но и лишенный человеческой сущности как таковой. Фильм параллельно представляет и эволюцию Электроника, постепенно становящегося человеком. В «Чарли» добро и зло изначально разделены, здесь явно противопоставлены «хо-

роший мальчик» Чарли и четверо «плохих» детей, олицетворяющих смертные грехи – чревоугодие, алчность, гордыню и гнев. Никакой эволюции не происходит: каждый получает по «заслугам»: первый – наследство в виде шоколадной фабрики; вторые – изоощренные телесные наказания (одного вместе с шоколадом засасывает труба, вторая от съеденной жвачки раздувается как шар, третью белки сбрасывают в мусоропровод, четвертый уменьшился в размерах, а затем растянулся и стал плоским как лист).

Монизм и дуализм – это две религиозные идеи, объясняющие природу зла. С позиции монизма мир божественен, следовательно, разумен, добр и совершенен. Зло есть искажение духовной сущности человека, и сам человек в силах преодолеть свою испорченность, восстановить образ божий. Такая картина мира характерна для славянских верований (некоторые исследователи считают их развитием более древней – арийско-ведической традиции [14; 22]), а также православия. Суть дуализма – в идее «расколотости» бытия: наш мир, отпавший от божественного источника, «лежит во зле», он несовершенен и полон страданий. Эта идея характерна для восточных учений, иудаизма, западного христианства, гностицизма [11, с. 129, 153]. Из этого мира есть два пути: 1) уход от зла, «выход из матрицы», осознание иллюзорности материального мира (как это сделал Будда); 2) устройство в этом мире (наиболее явно представлено в иудаизме и протестантизме). Многочисленные секты, выросшие из западного христианства, неминуемо приходят к идее индивидуализма и избранничества. Крайним выражением этих идей является сатанизм, представляющий собой не только примирение со злом, но и стремление извлечь выгоду из сотрудничества с ним.

В «Электронике» в качестве завязки представлена своеобразная *этика непослушания*: Сыроежкин – типичный трудный ребенок, он не слушается родителей, не признает авторитет учителей, конфликтует с одноклассниками. «Хороший мальчик» Чарли, в отличие от него, идеально положительен, потому его бедность воспринимается как нечто несправедливое, подлежащее исправлению, что в конце концов и происходит. Но при этом он не совершил ни одного действительно важного поступка! Электроник способен принимать *самостоятельные* решения, он ошибается и сам исправляет свою ошибку. На осознании собственных пороков основана эволюция героя.

«Хороший мальчик» Чарли, наблюдая за гибелью других детей (то, что с ними происходит, иначе как гибелью назвать нельзя, поскольку наказания настолько изоощрены и жестоки, что не оставляют надежды на реальное выживание), не предпринимает ровным счетом ничего для их спасения. Нет ни жалости, ни сострадания. Своим безучастием он становится на сторону зла, несмотря на то, что на поверхности заявлена идея справедливого воздаяния за «хорошее» и «плохое» поведение. Чарли относится к числу тех избранных, кто «записан в книге жизни», с него снимается всякая ответственность за происходящее. Он так и не переживает трансформации, и неплохо устраивается в этом мире, получив свою долю собственности. Естественно, что «устроиться в этом мире» невозможно без богатства, демонстрирующего принадлежность к числу праведников. В «Чарли» разделение детей на «хороших» и «плохих» дано изначально и по ходу повествования не меняется. При этом постулируется невозможность личного выбора. Прошлое полностью предопределяет будущее, а значит, нравственная эволюция в принципе невозможна.

С позиции монизма будущее не предопределено: человек может в любой момент осознать свое положение в мире и изменить его. Даже в «непослушании» содержится *свобода*, без которой невозможно преображение. Здесь важен и мотив ошибки: каждая душа проходит свой собственный путь развития. Электроник, мечтающий стать человеком, говорит: «Нельзя стать человеком за другого». И даже «правильный» Электроник совершает ошибку, поверив бандитам и оказав им помощь в ограблении музея. Но он сам, эту ошибку исправив, спасает ценности (то есть символично спасает всех) и таким образом действительно становится человеком. То есть не внешняя трансформация, технологическое усовершенствование, а нравственный поступок есть мерило человечности. В «Электронике» мы видим реализацию довольно сложной философской идеи двух типов свободы – «свободы от» и «свободы для». Как отдельная личность, так и человечество в целом должно пройти эволюцию через отрицание к истинному, осознанному освобождению, раскрыв Бога в самом себе.

4. *Герой*. Главный герой «Электроника» – это на самом деле не Сыроежкин и не Электроник, а *коллектив, народ*. Спасение невозможно в одиночку. Только объединенная энергия личностей, осуществивших свободный выбор добра, способна преобразить мир. Здесь внутреннее преображение неотделимо от внешнего, так как человек с его бесконечным сознанием тожде-

ственен бытию. *Нет ненужных людей*. Примечательно, что именно маленький Чижиков, которого постоянно выгоняют из кружка шестиклассников, в самый ответственный момент (когда никто не знает, что делать Электронику), выдает решение: завести старинные часы, на бой которых должен сбежаться весь город. При этом сцена всеобщего собрания, где присутствуют и дети, и родители, и учителя (которые даже не обратились к правоохранительным органам за помощью!) представляет не что иное, как вече, собор. Народ сам принимает решение, и это решение является наиболее правильным. Подобную идею выразил Иван Ефремов в «Часе быка»: на вопрос, что нужно человеку для построения лучшего мира, он отвечает – вера в себя и доверие к другим. Эта мысль звучит в словах учителя во время всеобщего замешательства, который предложил подождать, когда дети что-нибудь придумают, а затем произнес: «Мальчишки... Это то, ради чего стоит жить!» Чтобы дети доверяли взрослым, необходимо, чтобы взрослые доверяли детям, давая им возможность ошибаться и исправлять свои ошибки.

Когда происходит осознание Сыроежкиным своего падения? Когда он перестает быть нужным коллективу. Если робот будет выполнять всю скучную работу за человека, то не останется место самому человеку. Сцена покаяния героя – это возвращение «блудного сына», восстановление связи с Богом через дух народа. Невозможно стать личностью вне общества, и невозможно восстановление божественной природы без осознания глубинной связи собственного Я с миром.

В «Чарли» представлен типичный для западной культуры образ героя-одиночки [1]. Его судьба – быть избранным, и он выполняет свое предназначение – даже как будто не по своей воле. Судьба при этом непознаваема, ведь на месте этого конкретного человека мог бы оказаться любой другой. Если все предопределено и пути провидения нам неведомы, то от личных усилий человека мало что зависит (показательно то, что даже золотые билеты, дающие право на посещение фабрики, попадают в руки детей как будто случайно). Дуализм оправдывает при этом любые средства «хорошего» героя в его борьбе со злом, включая ложь и убийство, ведь его действия так же предопределены свыше. Довольно привлекательный для неокрепшего детского сознания образ борца со злом по сути оказывается выражением человеческой беспомощности перед лицом неведомых сил. Культурный код является мощным способом управления людьми: вера в высшие силы, неподвластные человеку, лишает возможности сопротивления. Несмотря на видимость «борьбы темных и светлых сил» (американские политики очень любят повторять эту метафору в своих выступлениях [5; 11], причисляя себя, конечно, к силам «светлым», хотя понятие «свет» может иметь отношение и к Люциферу, «несущему свет»), действительного изменения мира не происходит.

Вопрос о соотношении личности и общества решается диалектически. *Коллективизм формирует Личность, а индивидуализм обезличивает* (хотя на первый взгляд должно быть наоборот). В коллективе, осознавшем свою сущность, герой не может быть заменен другим. «Электроник» показывает, как каждый, занимая свое место в обществе, вносит неповторимый вклад в общее дело: никто, кроме него, не может осуществить эту миссию, ведь именно от *его* решения зависит ход событий. Но сегодня победил второй вариант: несмотря на пестрое разнообразие толпы, каждый не имеет значения, так как внутренняя разьединенность людей лишает силы преобразования. А непреобразенный человек, не осознавший свою сущность, не восстановивший в себе образ Божий, не есть личность.

В дуализме представлена своеобразная *диалектика зла*. В «Чарли» в конце концов выясняется, что никто ни в чем не виноват. Если нет личной ответственности, нет и вины. Владелец шоколадной фабрики, Вилли Вонка, чьей воле подчиняются страшные механизмы, изначально двойственен: с одной стороны, он олицетворяет принцип справедливости, с другой – с жестоким наслаждением причиняет страдания. Каков же он на самом деле? Оказывается, он есть лишь жертва обстоятельств, результат неправильного воспитания отца-тирана. И показанная в конце фильма история его детства призвана вызвать сочувствие и оправдать его жестокость. Тем самым стираются границы добра и зла. Сначала мы приняли зло как нечто неизбежное, а затем поняли, что никакого зла и вовсе нет. Следовательно, борьба с ним бессмысленна. Даже «гибель» детей оказывается не совсем настоящей, все они в конце фильма показаны живыми. Возможно, вообще весь мир, где нет ничего настоящего, есть иллюзия, матрица. Следует ли дорожить этим миром? Вряд ли.

В «Электронике» зло существует как реальная сила, олицетворением которой являются бандиты. Победа добра над злом здесь также реальна, но она осуществляется на внутреннем, энергетическом уровне, благодаря объединенной духовной силе народа. Это можно понять по

тому, как бандиты терпят поражение: они запутываются в механизме башенных часов, то есть, по сути, попадают в собственную ловушку. Нет преднамеренного уничтожения «плохих» «хорошими». Есть определенная логика Духа, в соответствии с которой зло лишено собственной сущности, поэтому постоянно нуждается в подпитывании своей энергии за счет неокрепших душ (бандитам для совершения преступления нужен Электроник). Как только коллективная душа «просыпается» (образ рассвета) и отказывается служить злу, оно лишается силы и гибнет от собственной лжи.

5. *Человек – машина.* Гениальность истинного произведения искусства в том, что, фиксируя текущую реальность, оно способно проникать в вечную сущность вещей, проявления которой могут быть обнаружены в будущем. Так в фильме из советского прошлого поднимается проблема, остроту которой мы начали понимать только сегодня, – проблема вытеснения человека из жизни машинами. Сейчас, когда «интернет вещей» и тотальный контроль искусственного интеллекта становится новой реальностью [17], возникает вопрос: какова цена технологического прогресса? И – нужен ли человек в этом «новом дивном мире»?

Авторы «Электроника» представили гораздо более совершенный, чем человек, механизм – он способен решать сложные задачи, петь разными голосами, говорить на всех языках, чинить любую технику, бить спортивные рекорды и даже рисовать прекрасные картины. Он лишен человеческих недостатков – дружелюбен, не способен на гнев и обман, не болеет и не умирает. Перед нами – идеал трансгуманизма в чистом виде. Но на вопрос о том, кто кому в конечном итоге служит? – создатели фильма отвечают однозначно: машина – человеку. В самой эволюции Электроника показана истинная цель прогресса – воспитание в себе человечности, то есть того, что невозможно искусственно создать, а можно лишь взрастить в собственной душе. Важно то, что в конце концов человек в лице Сыроежкина возвращает себе место в мире, но осуществляется это коллективными, а не индивидуальными усилиями: благодаря помощи одноклассников герою удается достичь той высокой планки развития способностей, которую установил робот.

В «Чарли» вместо антропоморфного робота представлены бесчеловечные механизмы. Кроме того, фантастический мир на территории фабрики наполнен какими-то существами, внешне напоминающими людей, но не имеющими ничего общего с людьми: Умпа-Лумпа, работниками, обслуживающим персоналом фабрики. Очевидно, что хозяин фабрики настолько не любит людей вообще, что ни один человек у него не работает. И здесь ответ на вопрос о том, кто кому служит, не столь однозначен. На первый взгляд, зловещие механизмы выполняют волю хозяина фабрики, но с другой – являются олицетворением непостижимой, таинственной и античеловеческой силы, карающей грешников. Поэтому человек в этом противостоянии выглядит довольно жалким. «Хороший» мальчик уподобляется машинам, равнодушно наблюдая за гибелью ровесников. И даже родители проявляют невероятную тупость и медлительность, не сумев спасти собственных детей! Нам убедительно показывают, что человек давно проиграл машинам, он уже выбыл из технологического соревнования, оказался жалким неудачником, не способным ни к сопротивлению, ни к самосовершенствованию. Все, что осталось человеку – это пассивное, бессмысленное потребление.

Мотив превосходства машин над человеком – один из самых распространенных в западном художественном искусстве. Наиболее показательна в этом смысле серия фильмов «Терминатор», примечательность которых также еще и в том, что они показывают своеобразную эволюцию отношений человека и машины. Человек от фильма к фильму становится все более беспомощным, а робот – все более совершенным. Это заметно, например, во втором фильме, где Терминатор оказывается способным принимать любую форму, в то время как человек, будучи неконкурентоспособным по сравнению с подобным чудом техники, одерживает победу лишь благодаря помощи... старого Терминатора! То есть собственными силами человеку с нашествием машин уже не справиться.

6. *Социальная система.* В фильмах показаны две противоположные системы – социалистическая и капиталистическая. Идея всеобщего равенства не появилась только с Советским Союзом, – она составляет суть миропонимания русского народа. И, как это видно в предыдущем анализе, равенство здесь не означает размывание индивидуальности в безликой массе, – напротив, именно равные возможности для всех и кооперация способствуют выявлению лучших качеств человека. Чувство сопричастности общему великому делу, ощущение собственной нужности для коллектива необходимы для понимания истинного смысла жизни, который заключается не в обретении «теплого местечка» для себя, а во всеобщем преображе-

нии, которое есть одновременно преобразование личное. Материальное богатство в такой картине мира выглядит скорее чем-то случайным, нежели закономерным, и, следовательно, не дает преимуществ перед другими, а свидетельствует об испытании, налагает ответственность. *Личность есть свобода*, следовательно, ее достоинство не отождествляется с внешним благом. Противоположным является отождествление человеческой ценности с богатством – именно этот культурный код свойственен условному Западу.

В «Чарли» существует жесткая, практически кастовая, иерархия. Как распорядился внешне упавшим на него богатством Чарли? Вначале он отказывается от собственности, поскольку взамен Вилли Вонка потребовал от него отказаться от семьи. Но затем, когда Вилли помирился со своим отцом и изменил свое отношение к семье, Чарли согласился стать наследником и помощником Вилли, и дом мальчика был перенесен на территорию фабрики! То есть высокий забор между фабрикой и городом не исчезает, сам Чарли входит в круг «избранных». Остальные дети получают обещанное пожизненное обеспечение шоколадом. Тайная власть получает легитимацию за счет «прикормленной» верхушки. Обида униженных детей гасится предоставленным «куском пирога», тем самым возможное сопротивление системе устраняется.

Разделение на «господ» и «рабов» не отменяется в век высоких технологий, меняются лишь способы управления, которые становятся более изощренными. Материальный достаток есть признак избранничества. Отсюда – высокомерие «верхов» по отношению к «низам», связанное с ощущением того, что такое положение вещей заслуженно, даровано судьбой или Богом. «Сами виноваты», – сегодняшние «элиты» являются проводником этой идеи, логически оправданной в их картине мира. Это становится понятным при изучении культурного кода, содержащего представление о *судьбе как фатуме* [11, с. 117, 170]. Не случайно восточные оккультные учения, мистические идеи Торы и Каббалы оказались востребованы среди «элитариев»: перерождающаяся душа в каждом воплощении занимает то место в мире, которое соответствует ее заслугам в прошлых жизнях. Католицизм также абсолютизировал идею предопределения, в том числе с целью оправдания социального неравенства. Сын Божий в католицизме *подобосущен* Отцу (Ореанский символ веры), в отличие от православия, где Сын *единосущен* Отцу. Земная иерархия есть продолжение иерархии небесной. Отсюда особый статус духовенства, непогрешимость папы. Протестантизм довел идею предопределения до полного завершения, хотя, на первый взгляд, она вступает в противоречие с идеей частной инициативы (ведь протестантизм должен был стать обоснованием идеологии буржуазии). Однако, соединившись с ветхозаветным мировоззрением, протестантизм с его крайним индивидуализмом пришел к оправданию обогащения немногих: если божественная энергия полностью заключена в автономном индивиду, то он не несет ответственности за благосостояние других.

Таким образом, сначала богатство воспринимается как один из признаков избранничества, а затем деньги сами по себе начинают наделять человека чертой исключительности. После чего становится уже неважным происхождение денег – любые способы обогащения в таком сознании легитимируются. «Господа» начинают воспринимать выпавшее на их долю богатство как свое личное достижение, даже если это наследуемое или коррупционное богатство, не связано с образованием, трудоспособностью и какими бы то ни было заслугами перед обществом. Отсюда – закономерное ощущение превосходства не только материального, но и духовного: если мы находимся на «верхушке» социальной лестницы, значит мы способнее, умнее, развитее остальных. Это часто сопровождается демонстрацией своей исключительности, унижением низестоящих, неприкрытым цинизмом.

Другая сторона отождествления достоинства личности с собственностью – в том, что сам человек превращается в собственность, становится «капиталом». Отождествившись с собственностью, человек перестает быть свободным, он подчинен логике денежной власти. При этом деньги обретают мистический смысл, превращаясь в божество, дух, действующий по своим законам и требующий жертвоприношений. Это – не природная борьба за выживание, не естественная склонность человека или социально продиктованная потребность, а, скорее, действие inferнальных, антиприродных и античеловеческих сил. Капитал живет по своим собственным законам (которые во многом удалось открыть Марксу) [9]. Он стремится к монополизации, сосредоточению собственности в руках немногих, поэтому сначала отсекается большинство, а затем начинается борьба внутри меньшинства, сопровождающаяся убийствами, войнами, государственными переворотами. В конце концов, вобрав в себя все ресурсы планеты, капитал пожирает сам себя.

Славяне исторически не признавали рабства. Они или отпускали рабов, или делали их полноправными членами общины. У них не было жесткой вертикальной иерархии, община строилась на основе горизонтальных связей. (Многие исследователи отмечают отсутствие классического рабства и феодализма на Руси [19–21]). Также славяне не признавали судьбу как фатум. *Судьба – это фортуна*. Нет жесткой предопределенности, с фортуной можно договориться, ее можно обхитрить [12]. Раннее христианство в России было более мягким, чем позднее, в нем преобладало демократическое начало, оно было ближе к живому ощущению божественности природы и человека. Даже эсхатология православия резко отличается от западнохристианской: страшный суд – это не наказание грешников, а торжество Истины. Поэтому православие и социализм идеологически сходны: для них характерны принципы познаваемости мира, равенства, отрицания богатства. Различие между двумя культурными кодами объяснялось митрополитом Илларионом в «Слове о Законе и Благодати», принципиально важном для понимания духа русского народа. Закон порабощает, Благодать делает человека свободным. Свобода есть та основа, которая позволяет человеку-творцу совершенствовать мир и самого себя. Как будто в подтверждение этого в детском советском фильме звучат слова песни: «Но ты человек, ты сильный и смелый, своими руками судьбу свою делай!»; «Теперь не доверяют, как прежде, чудесам. На чудо не надейся, судьбой командуй сам!».

Сегодня нет ни социализма, ни добрых детских фильмов, воспитывающих совесть и нравственность. Однако культурный код, еще хранящийся в душе народа, заявляет о себе – неприятием пошлости, восхищением прекрасным, обостренным чувством справедливости, жалостью и состраданием к слабым. Но голос его все слабее и грозит вовсе исчезнуть под натиском чуждых ему культурных форм.

Список литературы

1. Андреев А. П., Селиванов А. И. Западный индивидуализм и русская традиция // Философия и общество. 2001. Вып. № 4 (25). URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/257926/> (дата обращения: 10. 03. 2021).
2. Букина Н. В. Культурные коды как элемент пространства культуры // Вестник читинского гос. ун-та. 2008. № 14. С. 69–73.
3. Дедова И. А. К вопросу о социальной иерархии // Современные тенденции и инновации в области гуманитарных и социальных наук : сб. мат-лов V Междунар. науч.-практ. конференции. Йошкар-Ола : Мар. гос у-т, 2019. С. 26–33.
4. Дедова И. А. Онтология символа: искусство как форма существования объективного духа // Исторический процесс: истоки, перипетии, перспективы : межвуз. сб. ст. Вып. 18. Йошкар-Ола, 2021. С. 111–121.
5. Журавлева В. И. Свет американской свободы и «Империя Тьмы»: образ России в контексте «новой мессианской идеи» в США // Новый исторический вестник. 2008. № 17. URL: http://www.nivestnik.ru/2008_1/15.shtml (дата обращения: 15. 03. 2021).
6. Картавцев В. В. Философема как элемент культурного кода // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Серия: Филос. науки. 2011. № 3. С. 81–86.
7. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык. М. ; СПб. : Университетская книга, 2002. 272 с.
8. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб., 2000. 704 с.
9. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. 797 с.
10. Меркулова Н. Г. Менталитет – культурный код – язык культуры: к вопросу о корреляции понятий // Регионология. 2015. № 2 (91). С. 188–196.
11. Никольский Н. М. Избранные труды по истории религии. М. : Мысль, 1974. 269 с.
12. Осипова О. С. Славянское языческое миропонимание. (Философское исследование). М., 2000. 60 с.
13. Православная энциклопедия. Т. 16. С. 289–297. URL: <https://www.pravenc.ru/text/180507.html> (дата обращения: 15. 03. 2021).
14. Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур : в 2-х т. СПб. : Изд-во Стасюлевича, 1879. 457 с. Электронная библиотека «Научное наследие России». URL: <http://www.e-heritage.ru/gas/view/publication/general.html?id=46382927> (дата обращения: 22. 03. 2021).
15. Распоргуев С. П. Философия информационной войны. М. : Аутопан, 2000. 446 с.
16. Речь Джозефа Байдена на инаугурации // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10509883> (дата обращения: 1.03.2021): «Вместе мы будем писать историю американской надежды, а не страха. Единства, а не разобщенности. Света, а не тьмы».
17. Российский производитель робототехники Promobot запустил серийное производство роботов-андроидов. В компании уверяют, что могут создавать роботов-двойников людей с любой внешностью // TechFusion. URL: <https://techfusion.ru/promobot-zapustila-serijnoe-proizvodstvo-robotov-androginov/> (дата обращения: 10. 03. 2021).

18. *Свириденко О. А.* Метафора как код культуры : дис. ...канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2002. 162 с.
19. *Соловьев С. М.* Сочинения : в 18 кн. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1–2. М. : Голос, 1993. 768 с.
20. *Солоневич И. Л.* Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2010. 624 с.
21. Стратегикон Маврикия / Издание подготовил В. В. Кучма. СПб. : Алетейя, 2004. 248 с. В византийском военном трактате к. VI – н. VII вв. дается описание жизни славян: «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране... Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая [срок рабства] определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там [где они находятся] на положении свободных их друзей» (С. 189–190).
22. *Чудинов В. А.* Тайные знаки Древней Руси. М. : ЭКСМО, 2009. 660 с.
23. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : Петрополис, 1998. 432 с.

The Cultural code in art: a philosophical reading of children's films

I. A. Dedova

PhD in Philosophical Sciences, Volga State Technological University.
Russia, Yoshkar-Ola. E-mail: iraira0906@mail.ru

Abstract. The article offers an interpretation of the concept of "cultural code" as a unique information that defines national psychology and behavior, contained in all forms of social consciousness, especially in irrational ones that have preserved the subject-object identity. The purpose of the article is to show the role of art in the retransmission of code, which unites many generations into a single developing organism and projects it into the future. In modern culture, children's films perform the same function that myths and fairy tales used to perform: they form the basic moral principles that determine the functioning of the social organism. Through film images, cultural codes can be transformed and replaced, which is one of the most effective ways of conducting information warfare. In order to "read" different cultural codes, the author of the article conducted a comparative analysis of two feature films: "The Adventures of Electronics" (1979, directed by Konstantin Bromberg) and "Charlie and the Chocolate Factory" (2005, directed by Tim Burton). Both films express the fundamental principles of morality in the collision of "sinfulness and retribution" and reflect the structure of relations between the individual and society. The artistic structure of films represents two types of worldview – monistic and dualistic ones. The essence of the first type is that we live in a single reality, not yet fully known, but fundamentally knowable, reasonable. The essence of dualism is in the idea of the "split" of being: our world, which has fallen away from the divine source, lies in evil, it is imperfect and full of suffering; there are two ways out of it – leaving evil or settling in this world. The first type of worldview reflects the spirit of collectivism and a whole personality, fate as fortune and freedom. The second is the spirit of individualism and choice, fate as a fate and universal predestination. In the first case, we see the recognition of the reality of evil, but at the same time the possibility of its internal elimination in the process of moral evolution through the combined efforts of the collective. In the second case, evil is dialectically leveled, man is powerless, and moral evolution is impossible. In conclusion, the conclusion is made about the substitution of the Russian national cultural code with an initially alien one and about the threat of destruction of the spiritual essence of the people.

Keywords: children's film, good and evil, monism and dualism, knowledge, cultural code, personality.

References

1. *Andreev A. P., Selivanov A. I.* Zapadnyj individualizm i russkaya tradiciya [Western individualism and the Russian tradition] // *Filosofiya i obshchestvo* – Philosophy and Society. 2001. No. 4 (25). Available at: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/257926/> (date accessed: 10. 03. 2021).
2. *Bukina N. V.* Kul'turnye kody kak element prostranstva kul'tury [Cultural codes as an element of the cultural space] // *Vestnik chitinskogo gos. un-ta* – Herald of the Chita State University. 2008. No. 14. Pp. 69–73.
3. *Dedova I. A.* K voprosu o social'noj ierarhii [To the question of social hierarchy] // *Sovremennye tendencii i innovacii v oblasti gumanitarnyh i social'nyh nauk : sb. mat-lov V Mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii* – Modern trends and innovations in the field of humanities and social sciences : collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference. Yoshkar-Ola. Mari State University. 2019. Pp. 26–33.
4. *Dedova I. A.* Ontologiya simvola: iskusstvo kak forma sushchestvovaniya ob'ektivnogo duha [Ontology of a symbol: art as a form of existence of an objective spirit] // *Istoricheskij process: istoki, peripetii, perspektivy : mezhvuz. sb. st. Vyp. 18* – Historical process: origins, vicissitudes, prospects : interuniversity coll. of articles. Is. 18. Yoshkar-Ola. 2021. Pp. 111–121.

5. Zhuravleva V. I. *Svet amerikanskoj svobody i "Imperiya T'my": obraz Rossii v kontekste "novoj messianskoj idei" v SShA* [The light of American freedom and the "Empire of Darkness": the image of Russia in the context of the "new Messianic idea" in the USA] // *Novyj istoricheskij vestnik* – New Historical Bulletin. 2008. No. 17. Available at: http://www.nivestnik.ru/2008_1/15.shtml (date accessed: 15.03.2021).
6. Kartavcev V. V. *Filosofema kak element kul'turnogo koda* [Philosophema as an element of the cultural code] // *Vestnik Moskovskogo gos. obl. un-ta. Seriya: Filos. nauki* – Herald of the Moscow State Regional University. Series: Philos. Science. 2011. No. 3. Pp. 81–86.
7. Kassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form. T. 1. Yazyk* [Philosophy of symbolic forms]. Vol. 1. Language. M.; SPb. University Book. 2002. 272 p.
8. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. SPb. Iskusstvo-SPb. 2000. 704 p.
9. Marx K. *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii* [Capital. Criticism of political economy]. Vol. 1. M. State Publishing house of Polit. Literature. 1952. 797 p.
10. Merkulova N. G. *Mentalitet – kul'turnyj kod – yazyk kul'tury: k voprosu o korrelyacii ponyatij* [Mentality-cultural code – the language of culture: on the question of the correlation of concepts] // *Regionologiya* – Regionology. 2015. No. 2 (91). Pp. 188–196.
11. Nikol'skij N. M. *Izbrannye trudy po istorii religii* [Selected works on the history of religion]. M. Mysl (Thought). 1974. 269 p.
12. Osipova O. S. *Slavyanskoe yazycheskoe miroponimanie. (Filosofskoe issledovanie)* [Slavic pagan worldview. (Philosophical research)]. M. 2000. 60 p.
13. *Pravoslavnaya enciklopediya* – Orthodox Encyclopedia. Vol. 16. Pp. 289–297. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/180507.html> (date accessed: 15.03.2021).
14. Pypin A. N., Spasovich V. D. *Istoriya slavyanskih literatur : v 2-h t.* [History of Slavic literatures : in 2 volumes]. SPb. Stasyulevich Publishing House. 1879. 457 p. Electronic library "Scientific Heritage of Russia". Available at: <http://www.e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=46382927> (date accessed: 22.03.2021).
15. Rastorguev S. P. *Filosofiya informacionnoj vojny* [The philosophy of information warfare]. M. Autopan. 2000. 446 p.
16. *Rech' Dzhozefa Bajdena na inauguracii* – Joseph Biden's speech at the inauguration // TASS. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10509883> (date accessed: 1.03.2021): "Together we will write the history of American hope, not fear. Unity, not disunity. Light, not darkness".
17. *Rossijskij proizvoditel' robototekhniki Promobot zapustil serijnoe proizvodstvo robotov-androginov. V kompanii uveryayut, chto mogut sozdat' robotov-dvojnikov lyudej s lyuboj vneshnost'yu* – Russian robotics manufacturer Promobot has launched mass production of androgynous robots. The company claims that they can create robots-doubles of people with any appearance // *TechFusion* – TechFusion. Available at: <https://techfusion.ru/promobot-zapustila-serijnoe-proizvodstvo-robotov-androginov/> (date accessed: 10.03.2021).
18. Svirepo O. A. *Metafora kak kod kul'tury : dis. ...kand. filos. nauk* [Metaphor as a code of culture : dis. ... PhD in Philos. Sciences]. Rostov-on-Don. 2002. 162 p.
19. Solov'ev S. M. *Sochineniya : v 18 kn. Kn. 1: Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. T. 1–2* [Composition : 18 books. Book 1: History of Russia since ancient times. Vol. 1–2]. M. Golos (Voice). 1993. 768 p.
20. Solonevich I. L. *Narodnaya monarhiya* [Peoples' monarchy] / Ed. by A. Platonov. M. Institute of Russian civilization. 2010. 624 p.
21. *Strategikon Mavrikiya* – Strategicon of Mauritius / The publication was prepared by V. V. Kuchma. SPb. Aleteya. 2004. 248 p. The Byzantine military treatise of the 6th–7th centuries describes the life of the Slavs: "The tribes of the Slavs and the Ants are similar in their way of life, in their morals, in their love of freedom; they can in no way be persuaded to slavery or submission in their own country... They are in captivity they do not hold in slavery, like other tribes for an unlimited time, but by limiting [the period of slavery] to a certain time, offer them a choice: whether they are famous for the ransom to return home or stay there [where they are] on the position of free their friends" (Pp. 189–190).
22. Chudinov V. A. *Tajnye znaki Drevnej Rusi* [Secret signs of Ancient Rus]. M. EKSMO. 2009. 660 p.
23. Eko U. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [Missing structure. Introduction to semiology]. SPb. Petropavlovsk. 1998. 432 p.